

ГРАФИНЯ
ПАРАСКЕВА ИВАНОВНА
ШЕРЕМЕТЕВА.

... Не къ тому ты рождена:
Ты родилася крестьянкой,
Завтра будешь госпожа!

Гр. П. А. Шереметева.

Знаменитый боярский родъ Шереметевыхъ съ давнихъ поръ приобрѣлъ большое значеніе въ исторіи нашего отечества. Представители этого рода были всегда близкими къ царскому престолу, занимали самыя высокія должности и нерѣдко влияли на политическую жизнь цѣлой Россіи. Породнившись съ Салтыковыми (близкими родственниками царя Алексѣя Михайловича), Трубецкими, Черкасскими, Долгорукими, графы Шереметевы приобрѣли несмѣтные богатства и, благодаря своей постоянной щедрости и широкому образованію, явились едва ли не первыми истинными „насадителями“ у насъ западно-европейскаго искусства.

И въ то время, когда мужское поколѣніе этого рода отличалось выдающимися административными и художественными дарованіями, графиня Шереметева часто олицетворяла собою высочайшій идеалъ русской женщины—славилась своею рѣдкою добротой, заботами о крестьянахъ, религиозностью, были образцовыми женами и матерями.

Вѣсь помнать, конечно, какъ хорошо характеризовалъ знаменитую Наталью Борисовну (несчастную дочь графа Б. П. Шереметева) въ своей поэмѣ И. И. Козловъ? Въ дѣтствѣ, когда маленькая графиня росла среди царственной роскоши въ богатѣйшемъ помѣстьѣ своего отца,

она отличалась необыкновеннымъ состраданіемъ къ обездоленнымъ близкимъ —

„Въ слезахъ ли видить споту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.

Въ юности, обручившись съ кн. Долгорукимъ, Наталья Борисовна самоотверженно пошла съ женихомъ въ ссылку и, когда близкіе отговаривали ее отъ этого шага, она въ слезахъ имъ отвѣчала:

„Нѣтъ, не покину я его!
Я счастливымъ его любила,
Онь и въ несчастіи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.“

А трогательный конецъ поэмы,—постриженіе княгини въ монахини,—который не возможно читать безъ слезъ? Развѣ онъ не показываетъ намъ столько глубокой чистой вѣры таилось въ разбитомъ сердцѣ несчастной дочери графа Шереметева?

„Въ житейскомъ морѣ зря волненье,
Отъ бури гибельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.“

Такъ говорила Наталья Борисовна, отрѣшавшаяся отъ всѣхъ соблазновъ міра и одѣваясь въ суровую монашескую рясу.

Прошло сравнительно немного лѣтъ, послѣ кончины дочери графа Бориса Петровича, и мы встрѣчаемся съ новымъ чрезвычайно симпатичнымъ обликомъ другой графини Шереметевой—Параскевы Ивановны, супруги роднаго племянника Наталіи Борисовны—графа Николая Петровича. Жизнь послѣдней настолько занимательна и личность ее настолько интересна, что мы находимъ вполне подходящимъ напомнить сегодня, въ день столѣтней годовщины со дня смерти Параскевы

Ивановны, объ ея необыкновенной судьбѣ. Къ этому насъ побуждаютъ также опубликованные недавно въ томъ покойной графомъ Сергѣемъ Димитріевичемъ Шереметевымъ новые любопытные матеріалы и письма.*

I.

Въ настоящее время трудно даже вообразить, какую дивную картину представляло изъ себя родовое село графовъ Шереметевыхъ — Кусково и его окрестности сто лѣтъ тому назадъ!.. Братъ Наталіи Борисовны—Петръ Борисовичъ, оставшійся единственнымъ наслѣдникомъ несмѣтныхъ богатствъ отца, женился на В. А. Черкасской и получилъ въ приданое кромѣ громаднаго капитала также цѣлый рядъ великолѣпныхъ подмосковныхъ имѣній (среди другихъ: Останкино, Перово, и Вишняки).

Приобрѣтая эти помѣстья, тянувшіяся одно за другимъ отъ Москвы до Коломны, графъ вмѣстѣ съ женою тотчасъ же послѣ брака занялся улучшеніемъ ихъ. Первое вниманіе молодыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, обратилось на украшеніе Кускова и Вишняковъ (любимаго имѣнія графини). Между тѣмъ и другимъ селомъ, среди чуднаго вѣковаго лѣса были выстроены новыя зданія, поражавшія всѣхъ своею сказочною роскошью, устраивались звѣринцы для дикихъ животныхъ, вырывались громадные пруды, разбивались обширныя сады съ бесѣдками, галлереями, бельведерами, палатками, оранжереями и водопадами. Словомъ, Кусково съ его окрестностями въ самое короткое время превратилось въ чудесное царство какаго-то могущественнаго волшебника!

Любя всею душой западно-евро-

* Они напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* (1896 г., кн. 8; 1897 г., кн. 2, 8, 10 и 12), а затѣмъ вошли въ особое изданіе, подъ заглавіемъ: „Отголоски XVIII вѣка“ (М. 1896—1897 г. четыре выпуска).

пейское искусство, графъ не пожалѣлъ денегъ на устройство собственнаго большаго театра (вмѣстимостью равнаго Московскому Малому и не имѣющаго, конечно, ничего общаго съ теперешнимъ Кусковскимъ), выстроилъ картинную галлерею, выписалъ изъ-за границы рѣдчайшія статуи и постоянно приглашалъ въ свое имѣніе всѣхъ знаменитостей—поэтовъ, артистовъ, художниковъ.

Жизнь въ Кусковѣ была тогда сплошнымъ праздникомъ для самого хозяина и его друзей!.. Не даромъ, при вѣздѣ въ село, со стороны Перова, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, рекомендовавшею всѣмъ прїѣзжимъ: „веселиться какъ кому угодно, въ домѣ и въ саду“. А поэтъ (И. М. Долгорукій) описывалъ времяпровожденіе въ Кусковѣ слѣдующими восторженными стихами:

„Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекра-

сной!

.....
Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ, какъ облака:
Кусково было все въ запасно,
Прости хоть птичья молака!“ и т. п.

И веселье достигало своего апогея въ тѣ дни, когда Кусково посѣщала Императрица Екатерина II или иностранные государи. Объ этихъ сказочныхъ встрѣчахъ вѣнценосцевъ до сихъ поръ еще вспоминаютъ коренные жители имѣній Шереметевыхъ.

Послѣ Петра Борисовича (скончавшагося въ 1788 году) единственнымъ наслѣдникомъ богатствъ и помѣстій покойнаго остался его тридцати-семилѣтній сынъ Николай Петровичъ. Послѣдній получилъ блестящее домашнее воспитаніе, которое закончилъ потомъ за границей. Вернувшись въ Россію, онъ поселился сначала у отца въ Ку-

сковѣ, но праздная помѣщичья жизнь ему скоро надоѣла, и молодой графъ отправился тогда въ Петербургъ служить. Богатый, знатный и образованный юноша быстро, конечно, сталъ подниматься по служебной лѣстницѣ и въ самомъ скоромъ времени возвысился уже до званія сенатора и кавалера всевозможныхъ орденовъ, не исключая Іоанна Іерусалимскаго и Андрея Первозваннаго. Онъ несомнѣнно поднялся бы и еще выше, еслибы не смерть отца, которая заставила его вернуться въ Кусково. Здѣсь все уже было отдѣлано, устроено, и на обязанности молодаго наслѣдника лежало лишь поправлять или подновлять. Нельзя, однако, сказать, чтобы Николай Петровичъ дѣлалъ и это съ особенною охотой. У него въ то время были двѣ страсти, которыя поглотили все его вниманіе: любовь къ охотѣ и привязанность къ театру. Первою онъ занимался еще больше, чѣмъ покойный графъ: выписывалъ породистыхъ собакъ и лошадей, значительно увеличилъ кадръ „псарей“ и т. п. Искусство же Николай Петровичъ любилъ всею душой. Будучи самъ прекраснымъ виолончелистомъ, онъ часто игралъ на этомъ инструментѣ у себя въ кабинетѣ и участвовалъ даже при жизни отца въ домашнемъ оркестрѣ. Подъ его руководствомъ Кусковский театръ, можно сказать, расцвѣлъ и заблисталъ новыми, открытыми самимъ графомъ, талантами. И наиболѣе даровитою артисткой была *Параскева Ивановна „Жемчугова“*, появившаяся на подмосткахъ въ 1789 году.

Вотъ что извѣстно о дѣтствѣ и юности П. И. Жемчуговой.

Среди многочисленныхъ крѣпостныхъ графа Н. П. Шереметева числился по ревизіи 1764 года нѣкій Иванъ Степановъ Сергѣевъ. Подобно своему отцу Степану, онъ также занимался кузнечнымъ ремесломъ, къ чему, между прочимъ, былъ принужденъ самою природой, такъ какъ былъ горбатъ. Съ теченіемъ времени, вслѣд-

ствие ремесла и наружности, Сергѣевъ приобрѣлъ къ своей прежней фамиліи еще два новыя прозвища—„Кузнецова“ и „Горбуна“. Сорока трехъ лѣтъ, Иванъ Сергѣевъ-Кузнецовъ-Горбунъ рѣшилъ жениться на нѣкоей Варварѣ Борисовой, отъ которой у него родилось пятеро дѣтей. Старшею дочерью Ивана была Параскева, появившаяся на свѣтъ 20 іюля 1768 года.

По свидѣтельству Т. В. Шлыковой, Параша съ самыхъ раннихъ лѣтъ была воспитана княгиней М. М. Долгорукою (двоюродною сестрой гр. П. Б. Шереметева). Но четырнадцати-пятнадцати лѣтъ она должна была вмѣстѣ съ отцомъ переѣхать въ Кусково, гдѣ Иванъ получилъ мѣсто „кузнечнаго старосты“. Сдѣлавшись главнымъ кусковскимъ кузнецомъ, Сергѣевъ началъ обижаться на прозвище „Горбуна“, указывавшее на тѣлесный недостатокъ, и дворовые стали его называть сначала „Горинымъ“, а потомъ и „Зоринимъ“. Такимъ образомъ у дочери его получилось ни больше, ни меньше, какъ *четыре фамиліи*.

Окрестности Кускова изобиловали въ то время сказочными постройками, природными и искусственными красотами; въ селѣ постоянно устраивались праздники, въ которыхъ принимали участіе крестьяне и которые привлекали массу прїѣзжихъ Русскихъ и иностранцевъ. Это, конечно, не могло не отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на развитіи дочери „кузнечнаго старосты“. Уже семнадцати лѣтъ — въ 1787 году—Параша, какъ одна изъ самыхъ умныхъ и красивыхъ кусковскихъ дѣвушекъ, была выбрана графомъ играть передъ Императрицей Екатериной II. Несмотря на ея прекрасный голосъ и недюжинное драматическое дарованіе, Парашу, тѣмъ не менѣе, не зачислили тогда въ постоянную труппу крѣпостныхъ артистовъ, и она при жизни графа П. Б. Шереметева появлялась на сценическихъ подмосткахъ развѣ

только для пополненія хора—не больше.

Участвуя вечеромъ въ театральныхъ представленіяхъ, днемъ Параша продолжала, однако, оставаться попрежнему настоящею крестьянкой. Такъ же, какъ и раньше, она помогала отцу, пасла скотъ, занималась сельскими работами и т. п. Въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ сформировалась въ замѣчательную красавицу, обращающую на себя общее вниманіе. П. В. Кирѣевскій, которому удалось видѣть много портретовъ Параскевы Ивановны въ различные періоды жизни, такъ описываетъ ея удивительную наружность:

„Въ ней не было ни античной, ни классической, ни художественно правильной красоты: напротивъ, съ этой точки зрѣнія лобъ наплывъ малымъ, глаза не достаточно обрисованы ясными линіями и не велики, а по краямъ нѣсколько растянуты по восточному, въ волосахъ нѣтъ роскоши, скулы выдаются слишкомъ замѣтно, колоритъ лица то нѣжно-слабый, то смугловатый и запаленный. Но въ общемъ это именно то, что называется *красотою выразительною и красотою выраженія. Что-то зовущее, притягивающее и влекущее*. Фигура эта будто встала передъ вами внезапно или встрѣчена невзначай на пути: а идетъ она на подвигъ, и путь ея есть предначертанный, рѣшенный путь побѣды и жертвы, торжества и мученичества.“ *

Жениха на такую рѣдкую красавицу сыскать было, конечно, очень не трудно, и въ 1788 году, когда Параша исполнилось всего двадцать лѣтъ, къ ней присватался вешняковский лѣсникъ Иванъ Егоровъ Ушаковъ. Дѣвушка, скрипя сердце, приготовилась уже быть „лѣсничихой“, какъ вдругъ случилось неожиданное обстоятельство, которое измѣнило всю ея жизнь.

* См. *Письма, собранныя П. В. Кирѣевскимъ*, изд. Общ. Люб. Росс. Сл., Москва, 1872 г., вып. 9, стр. 47.

53 23/5 903